ВЛАДИМИР РАЗУМНЕВИЧ

ВАСЯ на ТАЧАНКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ", МОСКВА • 1977

Рисунки М. Петрова

Алине
от Люды.
18-IX-77г.

ВЛАДИМИР РАЗУМНЕВИЧ

188.

ВАСЯ на ТАЧАНКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
Москва
1977

С ЧЕРДАКА ДАЛЕКО ВИДНО

Дом Васи Климова возвышается на пригорке, у самого края села.

Если взобраться по лестнице на чердак, то сверху далеко видно.

Сразу же за околицей начинается поле. Оно беспокойное, волнистое. Жёлто-зелёные волны бегут наперегонки всё дальше и дальше к горизонту, где мерцают над землёй белёсые струйки горячего воздуха. Солнце до того раскалилось в полдень, что и глядеть на него опасно — ослепнуть можно. Если и дальше будет так припекать, то скоро всё поле станет золотым, и тогда начнут косить рожь. Колхозные комбайны, как объяснил Васе отец, уже «в полной готовности».

— А когда приказ о наступлении поступит? — спросил Вася отца.

— Вот рожь поспеет, — ответил он, — председатель колхоза товарищ Морозов даст команду: «Поехали!» — И мы двинемся в наступление.

— Я тоже хочу наступать.

— Нос не дорос, — засмеялся отец и легонечко щёлкнул сына по носу. — Пусть немного подрастёт!

— У Сеньки Морозова нос меньше моего, а ты его в прошлом году к себе на комбайн брал.

— Как было не взять, если сам председатель колхозный за сына поручился.

— А ты за меня поручись. Я же твой сын!

— Что верно, то верно, — засмеялся отец. — Придётся, видно, и за тебя похлопотать. Думаю, председатель не откажет. Так что готовься! Битва за урожай вот-вот начнётся.

И Вася начал готовиться к «битве».

Прежде всего он разыскал в дедушкином сундучке огромные комбайнерские очки с резиновыми тесёмками. Левое стекло было треснутым. Но и в таких очках Васю не узнать. В один миг превратился в комбайнера, а может, даже и в лётчика.

Потом Вася достал из сундучка огромный медный бинокль. Он уцелел у дедушки со времён гражданской войны. Вася повесил бинокль на грудь и подошёл к зеркалу. Теперь он ясно увидел, что похож на Чапаева.

Чтобы больше было сходства с прославленным полководцем, Вася нахлобучил на голову дедушкину папаху-чапаевку. В папахе было жарко, но Вася мужественно терпел.

Когда мать пришла с фермы, где работала дояркой, Вася уговорил её сшить ему гимнастёрку. Точно такую, как у дедушки на пожелтевшей фотокарточке. Мать сначала не поняла, зачем сыну нужна такая гимнастёрка. Вася объяснил, что он вместе с отцом будет «сражаться» за хлеб. Мать понимающе кивнула головой и села за швейную машинку. Стала кроить и шить.

Утром Вася примерил новую гимнастёрку. Она пришлась ему тютелька в тютельку. Вася восхищённо трогал большие, во всю грудь, красные застёжки из сукна и, довольный, представлял, как мальчишки будут завидовать ему, когда он

появится на улице в красногвардейской гимнастёрке, в папахе, с биноклем и в очках, как у лётчика.

Первым человеком, перед которым Вася предстал во всём своём героическом виде, был отец.

— К выходу в поле готов! — громко отрапортовал Вася и по-военному отдал честь.

— Кто же так на уборку наряжается? — ухмыльнулся отец. — Папаха, да ещё бинокль!

— Сам же говорил, — надул губы Вася, — надо быть в полной боевой готовности.

— Что верно, то верно, — ответил отец. — Так и быть, покажу тебе, Васятка, как за хлеб надо сражаться.

— А скоро поступит приказ: «Поехали»?

— Потерпи немножко.

— Потерплю. Главное, чтобы ты про меня не забыл...

И вот уже второй день Васятка взбирается по лестнице на чердак и наблюдает в бинокль за дальним краем желтеющего поля. Там стоят пять комбайнов.

«Наверное, комбайны вот-вот пойдут в наступление, — думает Вася. — Почему же тогда отец не зовёт на помощь? А что, если он один, без меня, решил управиться? Но ведь обещал же...»

От нетерпения и досады Вася отчаянно ударил пяткой по лестнице, приставленной к чердаку. Лестница накренилась и гулко рухнула на землю. Вася от неожиданности вздрогнул. Подобрал под себя ноги. Испуганно посмотрел вниз.

«Чердак высоко, — подумал он. — Прыгнешь — костей не соберёшь. Эх, если бы раздобыть канат и на нём спуститься, как альпинист с горы, прямо под навес...»

ПРОПАЛА ТАЧАНКА

«Стоп!..» — Вася отчаянно шлёпнул себя ладонью по голове.

Вчера ещё под навесом стояла дедушкина тачанка. Старая, как говорится, видавшая виды, боевая тачанка, а сейчас её нет. Куда она подевалась?

Дедушка Анисим рассказывал, как он ещё в гражданскую на тачанке воевал. Потом, в мирное время, заново перестроил тачанку, чтобы можно было запрягать в неё не две, как прежде, а одну лошадь. Каждую осень колхозники отвозили на повозках собранный урожай. Впереди хлебных повозок шла дедушкина тачанка. Над ней развевалось шёлковое красное знамя, полученное колхозниками за ударный труд. Потом стали возить зерно на грузовиках, и дедушка поставил тачанку под навес.

Тачанка, правда, была без колёс. Уцелели лишь кузов с сиденьем и крепкие, просмолённые оглобли. Но и такая тачанка нравилась Васе. Он частенько забирался в её кузов и, махая руками, визжал и подпрыгивал на месте, воображал, что его трясёт от быстрой езды.

Кузов тачанки был лёгок и красив, обит внутри тонкими и сверхпрочными нержавеющими металлическими пластинками. Передняя часть тачанки поднималась высоко и была просторной. На ней при желании могли бы уместиться сразу три ездовых. Но самым интересным у тачанки была сбитая из дубовых досок спинка. На ней, рассказывал дедушка, когда-то стоял пулемёт. Спинка была расписана масляными красками. Неизвестный художник нарисовал на спинке лучистое солнце. Краски потемнели, потрескались, и лишь крупные алые звёзды справа и слева сохранили свой блеск. Их, наверно, нарисовали значительно позже.

Вася не раз водил под навес своих дружков-приятелей и показывал им раскрашенную тачанку. Ребята жалели, что нет колёс. Каждому хотелось прокатиться по степной дороге на боевой тачанке. Васе тоже хотелось. Но разве без колёс покатаешься! Он спрашивал дедушку про колёса. Дедушка отвечал, что были, мол, колёса, да выбросили их из-за непригодности. Пробовал, мол, от других повозок колёса к тачанке приладить. Да где там! Не тот размер. Вихляют из стороны в сторону, кособочатся, одна беда с ними. Надо бы по особому заказу колёса смастерить, да столяр отказался: «Зачем старой бричке новые колёса! Послужила и хватит! Ныне в колхозе иная техника». Так и осталась тачанка без колёс...

«Под навесом была тачанка! А теперь её нет. Словно сквозь землю провалилась. Кому она понадобилась? Надо немедленно дедушке Анисиму сообщить о пропаже...» Вася заметался по чердаку. Крикнуть бы кому-нибудь, позвать на помощь. Но на улице и во дворе ни души. Разгар дня. Все на работе. Лестницу поднять некому.

И тут Вася увидел чернокосую Тому Бесхатневу, пионерку из соседнего дома. Она, что-то напевая себе под нос, бодрым шагом, как солдат, маршировала по улице.

— Тома! Тома! — закричал Вася. — Спаси! Погибаю!

ГЛАВНОЕ — БЫТЬ ХРАБРЫМ

Тома Бесхатнева открыла калитку и, обежав дом, увидела на земле упавшую лестницу, а в проёме чердачной двери — Васю. На голове — дедушкина папаха, на груди — бинокль, за поясом — деревянная сабля. Герой! А на лице у Васи выражение было далеко не героическое...

— Не могу больше, — стонал Вася, — приставляй лестницу скорее. Не то прыгну без парашюта.

Тома подняла лестницу, прислонила её к глиняной стенке дома:

— Слазь, пока голова цела. Я подержу.

Вася стал быстро-быстро спускаться. Спрыгнув на землю, спросил:

— Том, ты, случаем, не знаешь, кто тачанку похитил?

— А её никто и не похищал, — спокойно ответила Тома.

— Как так — не похищал? Была, а теперь — нет.

— Спохватился! Её вчера вечером со двора увезли.

— Кто увёз?

— Дяденьки из мастерской приходили. Измерили повозку вдоль и поперёк, погрузили в телегу и увезли.

— Куда увезли?

— А я знаю! Может, на дрова. Без колёс какой от неё прок!

— Так, тачанка же эта — героическая! Дедушка никому бы её не отдал.

— Как бы не так! Дедушка Анисим сам помогал грузить тачанку в телегу.

— Не мог дедушка тачанку отдать! Не мог! — рассерженно заорал Вася.

Обозлившись на Тому и на всех людей на свете, Вася надвинул на самые брови папаху, сел на саблю верхом и вприпрыжку помчался искать дедушку.

— Я Чапай! Я Чапай! Любому злодею голову отсеку! Отсеку! От-секу! — кричал Вася.

В это время на тропинке показался третьеклассник Сенька Морозов, председательский сын, по прозвищу «дед Мороз». Он солидно вышагивал с походной сумкой на боку. Увидев Васю, Сенька остановился, сморщил маленький, похожий на редиску нос и ехидно засмеялся:

— Тоже мне «Чапай»! Верхом на палке! Ты знаешь, на чём Чапай ездил? На тачанке!

— Ну и что! — отозвался Вася. — У тебя, «дед Мороз», сумка в мазуте, а у меня сабля во какая! Как у Чапая!

Сенька скривил губы:

— Твоя деревяшка только для крапивы годится...

— А у тебя и такой нет!

— Зато у меня есть тачанка! — поднял гордо Сенька свой нос-редиску.

— Из книжки тачанку вырезал? Да? Ну, и катайся на ней, на бумажной!

— Сказал тоже! У меня настоящая! С лошадью!

— Ха, так я тебе и поверил!

— А не веришь — и не надо! Сам ещё попросишься на мою тачанку!

Сенька тряхнул сумкой и скрылся.

Вася расстроился. «Неужто и вправду у него настоящая тачанка? — думал Вася. — Врёт небось. Откуда?»

Дедушка Анисим, вернувшись с конюшни, спросил Васю, отчего он такой угрюмый.

— Тачанка наша пропала, — хмуро ответил Вася.

— Как пропала? — удивился дедушка. — Я её в ремонт отправил. Обещали, будет как новенькая.

— И скоро будет?

— Через день, два...

И тут Вася не выдержал, рассказал про Сенькину тачанку.

Дедушке стало смешно. Засмеялись даже его усы — весело зашевелились и поползли в стороны.

— Хвастун твой Сенька! — сказал дедушка. — Услышал от отца про тачанку и решил позлить тебя. А ты и поверил!

Дедушка прошёлся рукой по усам.

— Когда я вырасту, — сказал Вася, — я тоже заведу усы!

Дедушка усмехнулся:

— На Чапаева можно быть похожим и без усов. Не в них дело!

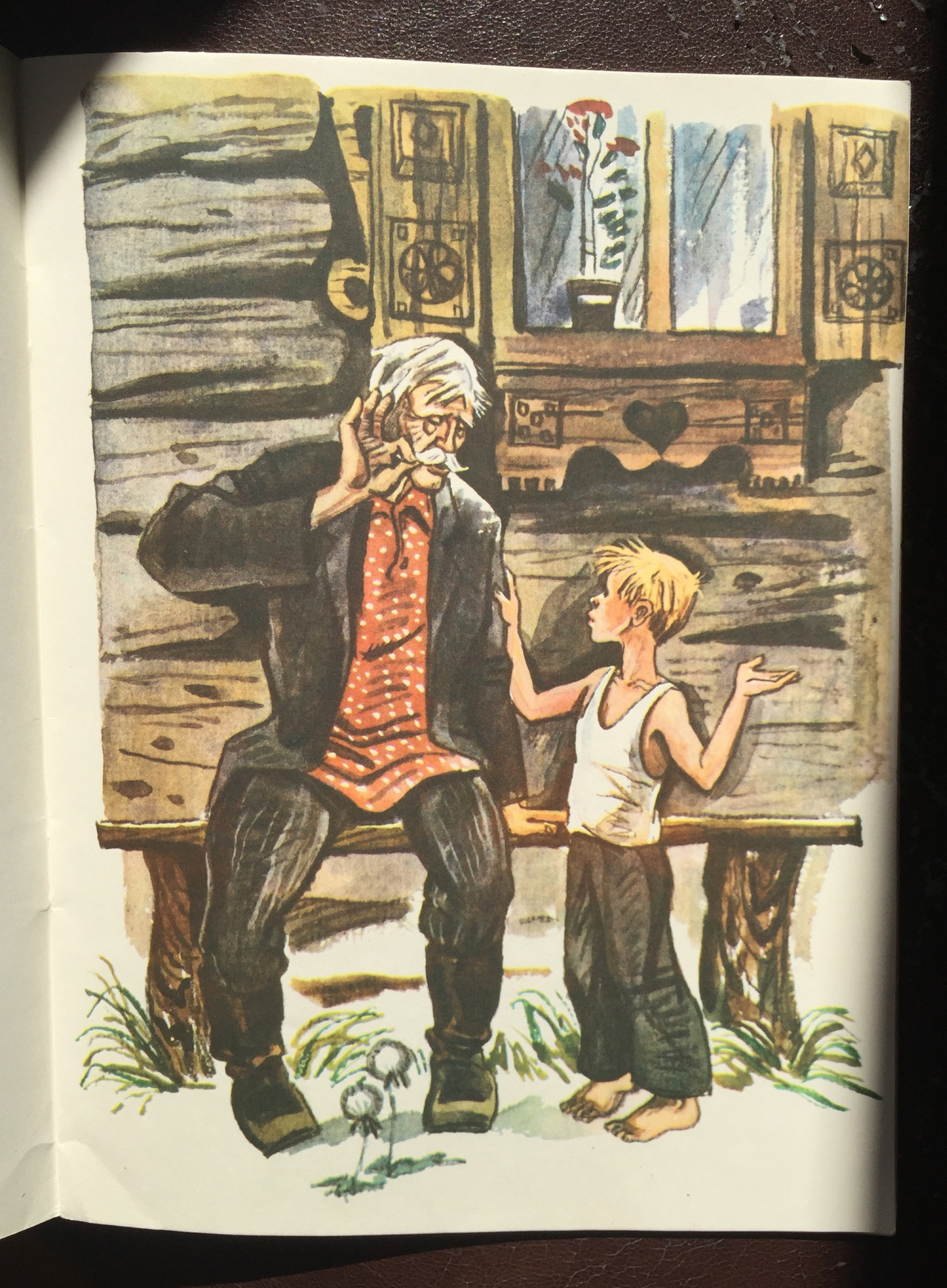
В чём «дело» — дедушка объяснять не стал. Но Вася и сам знал. Главное — быть храбрым. Вася не трус. Он ни собак, ни лягушек не боится. А если враги снова войной пойдут на Страну Советов, Вася так им всыплет, что они разбегутся, как от чапаевской тачанки. Вася сто раз это видел. И Чапаева на тачанке, и его бойцов с ружьями, и удирающих, как зайцы, белогвардейцев. В кино показывали. А однажды он сам себя в настоящем бою увидел — Вася строчил из пулемёта, а Чапаев рядом ему рукой указывал, куда стрелять надо. Белый офицер саблей рубанул Васю. Упал он на землю, глядит — локоть в крови. «Дедушка! Меня белогвардеец ранил!» — завопил Вася. И только тут заметил, что он лежит на полу. Над ним — дедушкины усы. «Какой там белогвардеец! — смеялись усы. — Протри глаза, вояка! Это ты с кровати ухнулся...»

На другой день Вася улёгся пораньше, чтобы зарубить того белого офицера. Но он ему не приснился. И самого себя на тачанке больше не увидел. Такая досада!

ВСЕ ЧЕТЫРЕ КОЛЕСА

Надрывно прокричал петух. Тонко пропел пастуший рожок. Замычали и сбились в одно стадо коровы, уходя из села.

Но вот улеглась пыль на дороге, и на улице снова стало тихо. Ни людей, ни машин, ни коров.

И вдруг... Что такое?

Васина кровать стояла возле раскрытого окна. Он услышал топот лошадей, голоса мальчишек, щёлканье кнутов.

Вася решил, что это сон, и перевернулся на другой бок, не открывая глаз. Но топот и треск, доносившийся откуда-то издалека, не давал заснуть.

Вася выглянул в окно. На улице никого. Где-то в степи трещали пулемёты.

— Дедушка! Дедушка! — тормошил Вася спящего деда. — Пулемёты в степи. Война началась!

Дедушка спросонок никак не мог сообразить, что за пулемётная трескотня долетала до его слуха.

— А ведь и в самом деле... — он вскочил с постели и торопливо стал натягивать полосатые брюки. — Что за напасть! Треску много, а взрывов нет.

— Побежим посмотрим! — Вася схватил со стула бинокль и потянул за собой дедушку. — В бинокль мы всю войну разглядим.

Вася с дедушкой Анисимом сбежали с крыльца и заспешили в степь, откуда доносилась трескотня. У самого горизонта вздымалась к небу и висела над дорогой высокая пыльная завеса.

— Да это же тачанки! — разглядел в бинокль Вася.

Тачанки свернули с просёлочного тракта и, миновав жёлтое поле, выскочили на ковыльный простор, круто развернулись и замерли в общей цепи.

Одна из тачанок вырвалась из строя, повернулась круто, и белоголовый, щупленький владелец её, придерживая лошадь, стал с важным видом что-то говорить собравшимся перед ним. По тому, как он заносчиво вскидывал белобрысую голову и, не уставая, рубил руками воздух, Вася безошибочно угадал:

— Да это же Сенька «дед Мороз»! Никто другой так руками не машет.

— Откуда у Сеньки тачанка? — удивился дедушка.

— С пулемётами! — подсказал внук.

— А может, это не боевая, а деревянная техника?

Тачанка под Сенькой — Вася хорошо разглядел в би-

нокль — дёрнулась, и Сенька, не удержав равновесия, плюхнулся в кузов, по-смешному дрыгнув ногами.

Пришли в движение и остальные тачанки. Развернувшись широким строем, они помчались через степь к селу, к тому самому месту, где Вася стоял с дедушкой.

И разом оглушительно затараторили пулемёты. Степь эхом ответила на пулемётную трескотню.

— Сенька «дед Мороз» трещотку крутит, — хмыкнул Вася. — На испуг решил нас взять. Ты только взгляни, дедушка. Наше солнце на тачанке! — Вытаращив глаза от изумления, Вася схватил дедушку за рукав.

— Какое такое «наше солнце»?

— Да вон же, на Сенькиной. Под пулемётом.

— А ведь верно... Наша тачанка, как есть наша! Все четыре колеса на месте. Отремонтировали, выходит. Омолодили мою голубушку.

— Кто тачанку Сеньке отдал? — спросил Вася.

— Должно быть, председатель позволил ему прокатиться.

— Если бы одну. А тут вон сколько тачанок! Пять штук! Откуда они?

— Ума не приложу, внучек. И каждая — вот что удивительно! — по виду на нашу смахивает...

Тачанки, следуя одна за другой, закружили, словно карусель.

— Даёшь песню! — послышался чей-то задорный голос с задней тачанки.

И мальчишки дружно грянули:

Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Пионерская тачанка,
Все четыре колеса!

Вздымая пыль, тачанки свернули в сторону от села. Щёлкали хлысты, и звенела, удаляясь, песня:

Эх, за Волгой и за Доном
Мчится степью золотой
Загорелый, запылённый
Пулемётчик молодой.

— Не пойму толком, для чего им надобны тачанки? — пожимал плечами дедушка.

— Может, в войну играть? — догадался Вася и, сорвавшись с места, побежал за тачанками. Но они убегали от него вместе с песней всё дальше и дальше.

Вася вернулся обратно и махнул в досаде рукой:

— Разве за тачанкой угонишься...

— Это точно! — поддержал дедушка Анисим. — Тачанка быстрее песни! Зря Сенька нас с тобой, внучек, не взял. Я бы показал ему, как надо править...

От дедушкиных слов Вася рассердился на Сеньку пуще прежнего. «Сам сел на тачанку, а про друга забыл. Ну, погоди! — погрозил ему кулаком Вася. — Попросишь у меня дедушкину папаху, не дам! И в войну играть с тобой не пойду, хоть тресни!»

НЕ ПО СЕНЬКЕ ШАПКА

Сенька заявился к Васе в конце дня. Задрал свою «редиску» к потолку и похвастался:

— Видел, как мы на тачанках... То-то! Каникулы будут — держись! Правление колхоза для школы пять тачанок подарило! Каждый день будем ездить на задание, — и тут Сенька неожиданно умоляюще взглянул на Васю: — Без папахи на тачанке ни то ни сё. Отдал бы ты, Вася, её мне на лето. Тебе она ни к чему, а мне теперь в самый раз.

— Вот ещё! — ответил Вася. — С тобой, «дед Мороз», я больше не вожусь. Папаху хочешь, а на тачанку не берёшь.

— Я бы с радостью! Да приказано — октябрят даже близко к тачанкам не подпускать. У нас важное задание! — Сенька вытащил из кармана тетрадку и помахал перед Васиным носом: — Вот оно! Только ты всё равно ничего не поймёшь!

— Покаж-и-и, — с мольбой посмотрел на него Вася.

— А папаху дашь?

— Ладно, дам, если дедушка разрешит...

— Тогда иной разговор... Смотри!

И Сенька раскрыл тетрадку. Вся страничка вдоль и поперёк была исчерчена кривыми чернильными линиями, расцвечена синими и красными кружочками.

— Что это? — с робостью спросил Вася.

Сенька стал объяснять:

— Вот дорога. Это тоже дорога. По ним промчатся наши тачанки. Красные кружочки — сёла, где бывал когда-то Чапаев. Первым делом мы заглянем туда.

— До конца лета будете кататься! — позавидовал Вася.

— Тачанки не для катания бездельников! Это видел? — и Сенька показал мозоль на ладони. — От вожжей! Развозим на тачанке хлеб из пекарни и свежие газеты по полевым бригадам... А знаешь, кто наш главный командующий. Ага, вот и не угадаешь!.. Сам Чапаев!

— Вот и врёшь! Чапаев в реке утонул...

— Кто этого не знает! А у него сын остался, ты знаешь?

Дедушка Анисим, молчаливо слушавший их разговор, сразу оживился, спросил взволнованно:

— Уж не Саша ли Чапаев?

— Да, Александр Васильевич! — обернулся Сенька. — Генерал-майор артиллерии! А вы что, знакомы с ним, дедушка Анисим?

— Давние приятели. Василий Иванович, отец его, когда приезжал с фронта к семье, случалось, брал и меня с собой. Пришлось не раз будущего генерала на тачанке катать. Отчаянный был паренёк Саша! Только не пойму я одного, как он вами командовать будет? Он же теперь москвич...

— Ему и надо в Москве жить. Он главный маршал над всеми пионерскими тачанками, какие есть. Чапаев и к нам может приехать. Если за каникулы выполним задание...

И Сенька вдруг уставился на дедушку Анисима ошалелыми глазами:

— Эх, а что я придумал! Дедушка, вы же — чапаевец! Будьте в нашем отряде командиром! — воскликнул он. — Это же здорово! Во главе пионерских тачанок — настоящий чапаевец! Тогда мы — впереди, а всем остальным — крышка!

— Дедушка, ступай скорее в командиры! И я с тобой! Пусть попробуют тогда выгнать с тачанки!

— Я бы не выгнал, — сказал Сенька. — Да нельзя его. Октябрёнок ещё...

— Как нельзя?! — возмутился Вася. — Сам же говорил, что за папаху обязательно возьмёшь.

Дедушка Анисим взглянул на Сеньку:

— О какой такой папахе речь идёт?

— О вашей, дедушка Анисим. Я Васе пообещал, что и его возьму на тачанку, если он папаху мне отдаст. Но раз папахи нет...

— Выходит, — дедушка Анисим сурово насупил брови, не дал договорить Сеньке, — пусть Вася мой, внук чапаевца, катится на все четыре стороны? Так, что ли? Странно рассуждаешь: ты нам, а мы тебе! Так прежде, до революции, купцы да буржуйчики разные поступали. А ты пионер. Коли такое дело, не по Сеньке моя чапаевская шапка. О других надобно прежде всего заботиться...

— Я бы о Васе позаботился. Да нельзя. Запретили октябрят на пионерскую тачанку сажать.

Дедушка внимательно посмотрел на Сеньку.

— Октябрёнок — будущий пионер, — сказал дедушка Анисим. — Он тоже может колхозу помочь. От пионеров ему, внуку чапаевца, никак отставать нельзя. На комбайн он просился. Но на комбайн ему — что правда, то правда! — ещё рановато, хотя отец и обещал. А на тачанку, пожалуй, в самый раз, коли я там командиром буду.

Сенька с тревогой спросил:

— В адъютанты его возьмёте? Как Чапаев Петьку? А меня куда же?

— И тебя не прочь взять. Даже и без шапки-чапаевки.

— Значит, согласны нашим командиром быть?

Старый чапаевец щипнул себя за ус и взглянул на Сеньку серьёзно:

— Мне к тачанке не привыкать. У Чапаева-младшего, надеюсь, буду служить не хуже, чем у самого Василия Ивановича. Так что, Сенька, можешь сказать в школе, что согласен, мол, дед Анисим.

КОМАНДИР И ЕГО АДЪЮТАНТЫ

Приняв командование тачанками, дедушка сказал Васе и Сеньке:

— Будете моими адъютантами!

Вася не знал, что такое «адъютант». Сенька объяснил, что это самый нужный в отряде человек. Он всегда при командире, как Петька при Чапаеве. Отдаст командир приказание, а адъютант обязан исполнить его, не страшась ничего, даже самой смерти.

— Значит, мы с тобой самые бесстрашные? — обрадовался Вася.

— Самый бесстрашный — командир! — ответил Сенька. — А мы первые после него.

— А кто первее? Ты или я?

— Оба одинаковые,— не захотел огорчать Васю Сенька.

Командир отдал приказ готовить тачанки к походу. Адъютанты со всех ног бросились к Буланому. Сенька набрасывал ему на шею хомут, Вася прилаживал вожжи. Лошадь мотала головой, била копытами по земле. Запрячь её было не так-то просто.

Подошёл дедушка Анисим, потрогал сбрую на лошади, хмыкнул в усы:

— Хомут болтается, постромки обвисли... Непорядок! Если у вас ботинки расшнурованы, далеко ли убежите? То-то и оно! На худой сбруе и выезд плохой.

И он стал обучать ребят запрягать Буланого по всем правилам. Потом показал, как надо править лошадью — без дёрганья, без окриков. На место ездового дедушка сажал то Васю, то Сеньку, то других ребят.

* * *

У пионерских тачанок было много разных заданий, и каждое из них ребята считали важным, боевым.

Когда понадобились дрова для школы, командир повёл отряд в лес, как в атаку:

— Вперёд! Отобьём у противника горючее!

Стали ребята сгребать в копны скошенную траву на лугу, дедушка им:

— Чапаевцы! Воздвигнем оборонительный рубеж из сена!

Председатель колхоза попросил отправить в поле тракторные детали, дедушка скомандовал:

— Доставить «боеприпасы»! По тачанкам!

Мальчишкам нравилась такая жизнь. Они чувствовали себя лихими чапаевцами и гнали коней наперегонки. Тачанки носились по степи быстрее ветра.

Накануне начала уборки хлеба дедушка Анисим поручил Васе и Сеньке проверить, всё ли в порядке на дорогах, по которым скоро автомашины повезут зерно нового урожая. Когда ребята проезжали через речку Весёлку, то осмотрели мост со всех сторон. Он во многих местах оказался гнилой. В тот же день сюда пришла бригада строителей со свежевыструганными досками и отремонтировала мост. Вася самолично пожал бригадиру руку, и они с Сенькой, довольные, что всё так хорошо у них получилось, покатили на тачанке дальше.

И в километре от реки Весёлки дорога была не в порядке. Сплошные рытвины и ямы. Тачанку кидало то вверх, то вниз. Вася чуть было не шлёпнулся в одну из дорожных ям.

— Здесь машины на элеватор поедут, — сказал Вася. — Зерно во все стороны разлетится.

— Молодец! Соображаешь, хоть и октябрёнок ещё, — похвалил Сенька. — Надо дорожников предупредить.

— А зачем нам дорожники? — не согласился Вася. — Мы и сами можем. Лопат в бригаде сколько угодно.

— Дело говоришь, — снова похвалил Сенька. — Ребят позовём. Одни не управимся.

И пять тачанок включились в ремонтные работы. С берега Весёлки они привезли булыжник и песок. Вооружившись лопатами, мальчишки засыпали ямины на дороге. Потом, по совету дедушки Анисима, стали ставить дорожные знаки. Перед оврагом, который вплотную подступал к дороге, поставили щит со словами: «Шофёр, будь осторожен! Объезд

вправо»; а на взгорье, у реки, появился щит: «Впереди — крутой спуск. Водитель, смотри в оба!»

Дедушка Анисим, проезжая на тачанке мимо этой надписи, удовлетворённо сказал:

— По-хозяйски поступаете, товарищи адъютанты!

ОБЕЛИСК

Надо было срочно отвезти фанерные щиты и банки с краской в село Сормовка, где открывался новый клуб.

— Повезём груз кратчайшим путём, через степь, — распорядился дедушка Анисим. — За мной, чапаевцы!

Но не проехали они и половины пути, как вдруг командир приказал адъютанту Васе остановиться возле одинокого дуба на взгорье.

Дедушка слез с повозки, подошёл к дубу, снял картуз с головы. Он стоял неподвижно, словно окаменел, и смотрел себе под ноги.

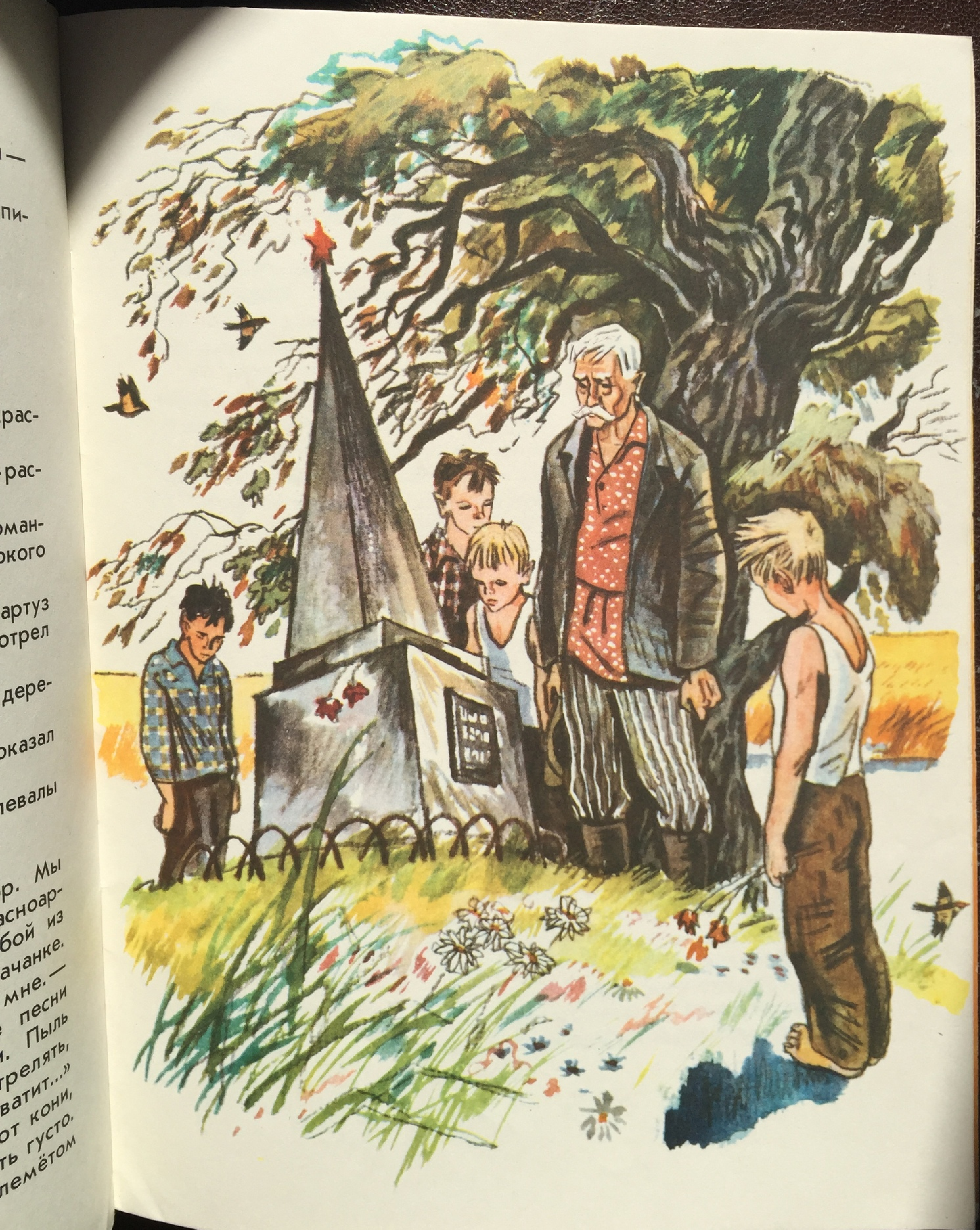
И тут только Вася заметил невысокий обелиск под деревом, в кустах.

Ребята молча сгрудились вокруг дедушки. Он показал на обелиск и тихо сказал:

— Могила дружка моего, чапаевца, ротного запевалы Андрея Желтова...

И дедушка рассказал ребятам:

— Василий Иванович послал нас в боевой дозор. Мы с Андреем затаились тут, под деревом, а другие красноармейцы — вон в той канаве. Андрей прихватил с собой из села гармонь, положил её рядом с пулемётом на тачанке. «Я ведь, Анисим, сегодня именинник, — сказал он мне. — Эх, и зададим мы вечером жару гармошке! Все песни перепоём...» И вдруг видим — белоказаки впереди. Пыль по степи завихрилась. Андрей мне: «Погодим стрелять, пусть подойдут ближе. А то на всех патронов не хватит...» Казаки уже совсем рядом. Слышно, как похрапывают кони, звякают копыта. Справа красноармейцы начали палить густо. Казаки шарахнулись от них в нашу сторону. Я за пулемётом

лежу. Андрей ленту подаёт. Много белых мы покосили тогда. Отступили казаки. Но трое как-то прорвались. А нам уже и отбиваться нечем — кончились патроны. Андрей схватил незаряженную винтовку. Размахнулся да как двинет всадника прикладом по голове. Тот саблю выронил и с коня кувырком. Тут второй подоспел. Андрей и его прикладом. А третий издали в нас гранатой... Очнулся я, вижу — лежит Андрей. У ног гармошка, мехи разворочены... Похоронили мы его здесь, под дубом, который тогда был таким же молодым, как и Андрей. Моему другу в тот день исполнилось ровно семнадцать лет...

Голос у дедушки дрогнул, осёкся. Он вынул из кармана кисет и принялся набивать трубку. Пальцы не слушались его. Мелкие крошки табака сыпались на сапоги.

Ребята сходили в поле, принесли охапку степных колокольчиков, и бугорок под деревом стал лилово-синим.

Мальчишки выстроились в линейку перед обелиском и отдали салют. Вася тоже салютовал по-пионерски. Потом все сели на тачанки и помчались в Сормовку.

ТЕЛЕГРАММА — САМОМУ СЕБЕ

Вася сидел на крыше полевого вагончика и хорошо видел, как председатель колхоза товарищ Морозов встал перед комбайнами и махнул фуражкой:

— Поехали! — громко скомандовал он.

Это был приказ о начале наступления — уборки урожая.

По золотым волнам ржи, следуя за комбайном Васиного отца, поплыли с рокотом другие степные корабли. Над каждым из них закружились, замельтешили крохотные обрезки соломы и белёсые пушинки. Грузовые автомобили подъезжали к комбайнам, до краёв наполнялись кузова янтарным зерном, шофёры укрывали его брезентом и сразу же отчаливали обратно.

На просёлочных дорогах, по которым ещё недавно летали пионерские тачанки, теперь мчались машины. Они везли на элеватор первое зерно нового урожая.

Под прицел Васиного бинокля, который далёкое делал близким, попадали и тачанки, выполнявшие дедушкины поручения. Одна из них носилась около крайних домов села, на том участке, где пшеничное поле подступало близко к колхозному саду. Пионерские дозорные организовали там настоящее гонение с трещотками и кнутами на коз и поросят, которые всё норовили залезть в пшеницу.

Другую тачанку разглядел Вася у дорожной обочины. Она стояла возле щита с надписью: «Пионерский пост охраны урожая». Там на перекрёстке двух дорог, ведущих в село и на элеватор, пионеры дежурили вместе с дедушкой Анисимом. В руках у одних желтели маленькие флажки. Другие размахивали молотками с длинными рукоятками.

Вот показался грузовик с зерном. Мальчишка выбежал на дорогу, поднял флажок. Грузовик остановился. Ребята с молотками подбежали к нему и стали осторожно, словно врач больного, выстукивать борта — нет ли где трещины, через которую может просочиться зерно? Дедушка Анисим тоже постучал молотком. Потом подошёл к шофёру, о чём-то поговорил с ним, и машина поехала дальше. Раз отпустили так быстро, значит, кузов у грузовика в полном порядке, вполне «здоров». Зато с шофёром другой машины, остановленной на дороге, дедушка Анисим имел суровый разговор. Видимо, ребята заметили что-то неладное: либо борта были неплотно заделаны, либо семена в кузове ничем не укрыты, либо ещё что. Фамилию нерадивого шофёра дедушка обязательно занесёт в «Книгу беды» — в общую тетрадь, которую Вася подарил ему перед уборочной. Бригада по охране урожая не только вела пионерский контроль за проезжими машинами, но и помогала шофёрам, когда в том была надобность. «Проверяя — помогай!» — такой у них девиз. Если надо было привезти брезент из села, чтобы укрыть зерно, или же съездить в мастерскую за какой-нибудь запасной частью для машины, если она поломалась в дороге, — пионерская тачанка тут же мчалась выполнять задание.

Вася просился, чтобы и его поставили в дозор у дороги. Но дедушка дал ему и Сеньке другое задание — следить,

как идёт работа в поле, не остаются ли после уборки колоски на земле или в копнах соломы, не нужна ли комбайнерам срочная помощь, — в таких случаях тачанка посылалась в правление колхоза, чтобы сообщить обо всём председателю, доставить ему сводку в конце рабочего дня.

Свою работу Вася с Сенькой проводили вместе с Томой Бесхатневой, которая, кроме того, отвечала ещё и за выпуск двух стенных газет. Одна называлась «Молния». Она сообщала, кто как трудится на жатве хлеба. Вторая выходила с весёлыми рисунками: «На крючок». В ней высмеивались отстающие.

Самой Томе, конечно, было не управиться сразу с двумя газетами. И ей помогали школьники-комсомольцы и бригадный учётчик. Он лучше всех знал, сколько за день скашивается и обмолачивается хлеба, и давал все сведения. Тома перепечатывала и прикалывала на чистый лист. Получалась стенгазета «Молния». Три раза — утром, днём и вечером — Тома вывешивала «Молнию» на стенке полевого вагончика, чтобы каждый мог прочесть, как идёт уборка урожая.

А ещё Тома придумала печатать на машинке телеграммы и рассылать их с Васей на тачанке. Телеграммы эти составлял сам товарищ Морозов. Они были двух сортов. Одни — приятные, другие — неприятные. Над неприятными вверху печаталось крупными буквами: «СРОЧНАЯ, ТРЕВОЖНАЯ». Адресовалась такая телеграмма тем, кто хуже всех работал. Вася заметил — как только прочитает её в поле либо тракторист, либо комбайнер, либо шофёр, либо ещё кто, так уши у него сразу сделаются красными, как петушиный гребешок. Ничего приятного от таких телеграмм не жди. Да и развозить их тоже было мало радости.

Иное дело телеграмма с грифом: «СРОЧНАЯ, ДВУХСТРОЧНАЯ».

Прежде, чем вручить Васе такую телеграмму, Тома поднимала над полевым вагончиком флаг трудовой славы. Вася получал телеграмму и мчался на тачанке с ней к победителю, вручал двухстрочное поздравление, подписанное лично товарищем Морозовым: «В Вашу честь мы флаг подняли, чтоб всегда Вы побеждали!»

Васин отец каждый день перевыполнял норму выработки. И Вася отвёз ему уже девять телеграмм. На борту его комбайна Сенька «дед Мороз» масляными красками нарисовал девять победных звёзд — за каждую телеграмму по звёздочке! Вася гордился отцом и сам старался так выполнять свои задания, чтобы все были им довольны.

За эти жаркие летние дни Вася загорел и, как сказал отец, «стал похож на солдата хлебного фронта».

— А вот эту телеграмму, — сказала однажды Васе Тома Бесхатнева, — товарищ Морозов просил срочно доставить в село. Улица и номер дома там указаны. Спеши!

Вася не стал рассматривать адрес. Прыгнул в тачанку и галопом погнал в село. И лишь подъезжая к садам за сельской окраиной, раскрыл телеграмму, чтобы знать, на какую же улицу сворачивать.

На телеграмме под словами «СРОЧНАЯ, ДВУХСТРОЧНАЯ» были указаны родная Васина улица и номер его родного дома.

«Не может быть! — не поверил своим глазам Вася. — Тома что-то напутала. С девчонками это случается...»

Но под адресом чёткими буквами было напечатано:

«Вручить Васе Климову — октябрёнку и его маме — лучшей колхозной доярке».

Вася удивлённо воскликнул:

— Надо же! Выходит, я сам себе везу телеграмму. Чудо-юдо!

Он не удержался и прочёл: «Благодарим мы Вас, ударную доярку, за Васю Климова и за его тачанку!»

ПАРАДОМ КОМАНДУЕТ ЧАПАЕВ

На небе сияло солнце. А на земле играли дети солнца — шустрые лучики-светлячки. Они ослепительно лучились в окнах домов, бегали по узорам конской сбруи, резвились на медных трубах духового оркестра.

Неподалёку от оркестра, впереди толпы, стоял человек в генеральской форме.

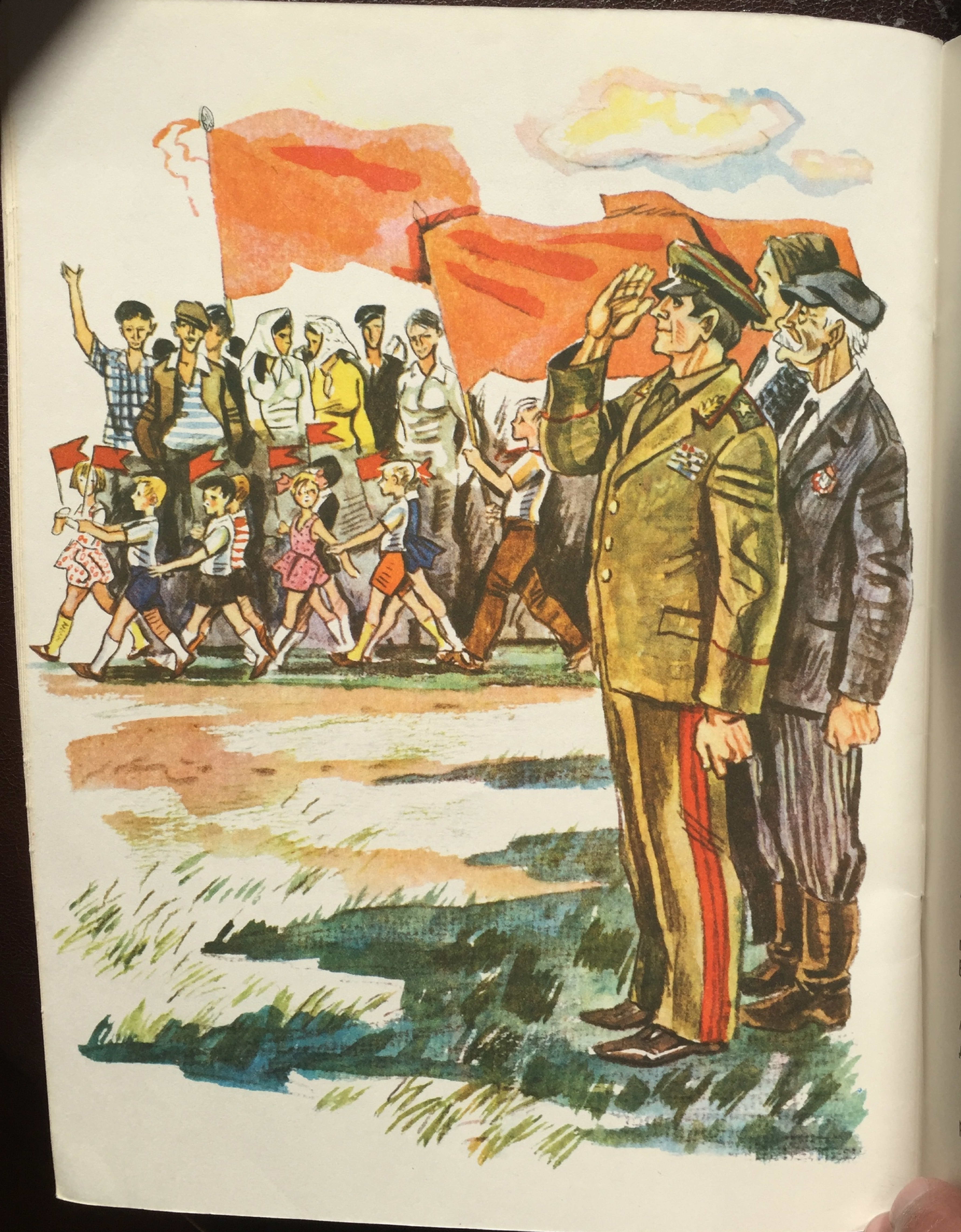
Вася Климов сидел на козлах тачанки рядом с Сенькой — «дедом Морозом» и во все глаза смотрел на генерала: «Раз, два, три, четыре... — считал Вася. — Вот это да! Столько орденов!»

Вчера, когда готовились к параду тачанок, председатель колхоза товарищ Морозов рассказал ребятам о том, как воевал генерал. Он всё время был на фронте — от начала до самого конца войны. Фашисты несколько раз ранили его, а он снова и снова возвращался на передовую. Однажды чуть было не замёрз в лесу, а когда часть попала в окружение, повёл солдат через минное поле. Немцы считали это место непроходимым, но минёры-разведчики расчистили дорогу и помогли выбраться из вражеского кольца. Вокруг шли сильные бои. Танки с чёрными крестами на боку лавиной двигались к Москве. Нужно было остановить их. Наши пушки палили день и ночь без передышки. Много танков побили. Но и советских артиллеристов погибло немало. Уцелела маленькая горстка. И тогда командир сам стал в упор бить по врагу из орудия. Танки повернули обратно...

Вася Климов смотрел на генерала и думал: «Неужели это тот самый Саша Чапаев, о котором рассказывал дедушка Анисим? Конечно, он! Дедушку он ещё утром узнал, когда приехал, и они теперь стояли рядом». Дедушка разглаживал усы, что-то говорил Александру Васильевичу и кивал в сторону Васиной тачанки. Генерал слушал внимательно и посматривал на Васю. Взгляд у генерала весёлый, губы улыбаются. Густые тёмные брови то сходятся ближе к переносице, то разбегаются. Сухощавое, продолговатое лицо генерала кажется Васе удивительно знакомым. Сколько раз он видел его на картинках в книжках! Только там лицо было с усами.

Пионерские тачанки торжественным строем двигались мимо генерала Чапаева, мимо праздничной шеренги людей, мимо духового оркестра, который не уставал играть песню про тачанку-ростовчанку, про четыре колеса...

Позади тачанок шагали с флажками в руках малыши из детского сада. За ними — пионеры и комсомольцы со знамёнами. Они прибыли на парад прямо из похода

по местам чапаевской славы и не успели ещё сменить запылённых курток, снять котомки с плеч.

Ребята шагали по той самой дороге, по которой мчалась когда-то чапаевская конница. Возле крайней избы Василий Иванович стоял тогда на тачанке и подбадривал своих товарищей перед боем. Его речь слушал и Васин дедушка, слушали и другие чапаевцы. Поседевшие, принаряженные, стоят они теперь у обочины дороги.

И снова, как тогда, громыхали тачанки и ржали кони, трубил горн и бил барабан, шелестели на ветру алые знамёна.

И вот зазвучал голос Александра Васильевича Чапаева.

— Юные друзья! К борьбе за нашу могучую Родину, за счастье трудового народа будьте готовы!

И звонкие голоса ответили ему по-пионерски:

— Всегда готовы!

Раздалась команда построиться в три ряда. Начинались соревнования пионерских тачанок.

Тачанки застыли в готовности. Генерал отдал распоряжение:

— В селе Сормовка в правлении колхоза лежит пакет на моё имя. Необходимо доставить его сюда на тачанке. Победит тот, кто сделает это быстрее.

Распорядитель взмахнул полосатым флажком. Тачанки сорвались с места.

Сенька держался за вожжи, а Вася погонял Буланого хлыстом.

Мальчишки на других тачанках старались не дать Буланому хода. Теснили с боков, преграждали путь.

Буланый вначале бежал третьим. Бок о бок с ним звякал подковами гривастый белый конь. Он был весь в мыле. Ему удалось вклиниться и обойти Васину тачанку.

Сенька нервничал, кричал на Буланого. А в это время мимо ураганом пронеслась ещё одна тачанка, за ней другая...

— Всё! Нам крышка! — чуть не плакал Сенька.

— А помнишь, как мы с дедушкой до Сормовки добирались? — вспоминает Вася. — Прямо по полю...

— Что ж ты прежде молчал! Не обязательно дорогой ехать! Через степь прямее, и никто не толкается...

Сенька повернул Буланого влево. Там, у самой дороги, глубокий ров. Тачанка заскрипела колёсами, накренилась набок, Васю даже подкинуло на сиденье. Сенька вовремя успел ухватить Васю за шиворот, а то бы лежать ему в канаве!

И вот они уже на просторе. Впереди — никого. Ровная и голая, как стол, степь. Буланый припустился во всю прыть. Теперь тачанку не нагнать!

Буланый всё убыстряет бег. Навстречу из-за бугра выплывала тёмная гряда леса. За ним — Сормовка...

Перед крыльцом колхозного правления Сенька остановил Буланого, спрыгнул с повозки, быстро взбежал по ступенькам.

В кабинете за дубовым столом он увидел своего отца.

КАРТА РАЙОН

Отец перебирал какие-то бумажки. Одет он был в солдатскую гимнастёрку с медалями. Запыхавшийся Сенька со всего разбега — к нему:

— Где пакет на имя генерала Чапаева? Давай скорее! А то нам крышка.

Отец отвёл глаза от бумажек, бросил на сына строгий взгляд:

— Воспитанные люди не орут, а, войдя в дом, ноги вытирают. Видишь, половик у порога?.. Приехал на тачанке, а порядка не знаешь. Такому пакет не могу доверить.

— Как же это, — лепечет Сенька. — Зря, выходит, коня гнал? Вот-вот другие прискачут...

— Им и отдам.

— А родному сыну — нет?

— Правила игры для всех равны...

Вася стоит на крыльце и всё слышит. Он быстро поправляет рубаху, надвигает дедушкину папаху на лоб. Вбегает в кабинет, шаркнув ногами о половик, отдаёт честь председателю:

— Здравия желаю, товарищ Морозов! Адъютант-чапаевец Василий Климов прибыл за секретным пакетом...

— Ну вот, это другое дело, — улыбается Сенькин отец и косится на сына: — Поучись у своего товарища!

Он выдвигает ящик стола и вынимает что-то длинное и узкое, завёрнутое в бумагу и перевязанное шнурком.

— Получай, адъютант Климов! — протягивает он Васе свёрток и шлёпает ладонью по столу. — Теперь мне караулить нечего! Могу и я ехать на ваш праздник. Захватишь меня с собой?

— Только побыстрее! — кивает Вася и спешит за дверь.

Председатель выходит на крыльцо вместе с Сенькой. Уши, щёки и нос-редиска у Сеньки красные, на лбу капельки пота. Можно подумать, что он только что из бани.

Расстроенный Сенька отчаянно щёлкает кнутом, и Буланый трогается с места карьером. Слышно, как на соседней улице дребезжат тачанки, кричат, погоняя коней, мальчишки. Они ещё не знают, что в колхозном правлении больше нет ни секретного пакета, ни самого председателя...

Генерал Чапаев дождался, когда возвратились остальные тачанки, и только потом назвал имена победителей. Солнечные трубы оркестра грянули радостный марш. Народ у дороги загомонил, захлопал. На какой-то миг Вася увидел в толпе по-чапаевски подкрученные усы дедушки Анисима, медали на гимнастёрке товарища Морозова.

Генерал Александр Васильевич Чапаев со свёртком в руках подошёл к тачанке, впереди которой по стойке смирно стояли Сенька и Вася.

— Подарок один, а победителей двое. Кому вручать?

И тут Сенька подался вперёд:

— Отдайте Васе, товарищ генерал. Это всё он...

— Ну что ж, Васе так Васе! Мал, да удал! — согласился генерал. — Возьми, победитель, и разверни. Пусть все увидят почётную награду!

Вася развернул свёрток и ахнул: сверкнула сабля!

Маленькая сабля была отлита из настоящей стали и вложена в настоящие ножны. Блеск металла слепил глаза, и Вася не заметил букв на сабле.

И тогда генерал по-отечески потрепал малышу вихор и, взглянув на подарок, громко прочитал слова, которые были когда-то выбиты на чапаевской шашке, а теперь — на Васиной:

— «Без дела не вынимай, без славы не вкладывай!»

СОДЕРЖАНИЕ

30 к.

27 к.

Для младшего школьного возраста

Владимир Лукьянович Разумневич

ВАСЯ НА ТАЧАНКЕ

Художник М. Петров

ИБ № 293

Редактор *О. Лебедев*
Художественный редактор *Г. Крюкова*
Технический редактор *М. Матюшина*
Корректор *С. Бланкштейн*

Сдано в производство 11/II-77 г. Подписано в печать 13/VII-77 г. 84 × 108 1/16 офс. № 1. Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 3,82. Тираж 150 000. Изд. № 860. Заказ № 296. Цена 30 коп.

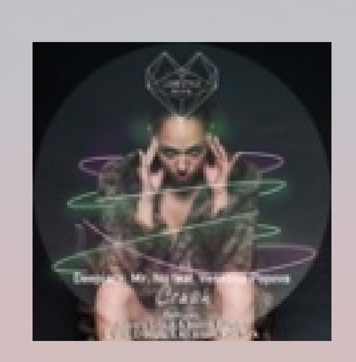
Издательство «Малыш» Москва, К-55, Бутырский вал, 68.
Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, П-101, ул. Мира, 3.

Р $\frac{70802\text{-}070}{М102(03)\text{-}77}$ 68-77

Нет SIM-карты 16:31

Похоже, что это Deepjack & Mr.Nu, Crush (feat. Veselina Popova) [Erdinc Erdogdu & Ali Arsan Remix].

Crush (feat. Veselina Po...

Deepjack & Mr.Nu

КУПИТЬ

?

